

ЦИКЛ «МЕТАМОРФОЗЫ»:

VITA NOSTRA

ЦИФРОВОЙ, ИЛИ BREVIS EST

МИГРАНТ, ИЛИ BREVI FINIETUR

VITA NOSTRA:
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

МАСШТАБ

АРМАГЕД-ДОМ

ЛЕОН

МЕТАФАНТАСТИКА
МАРИНЫ И СЕРГЕЯ ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ЛЕОН

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Леон / Марина и Сергей Дяченко. — Москва :
Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-167729-9

Леон, старшеклассник магической школы, приговоренный к казни за чужое преступление, бежит с эшафота. Прощай, родной город со старинной ратушей, рыночной площадью и парусниками на рейде: против своей воли Леон переносится в другую реальность. Это мегаполис под ярким солнцем — небоскребы, потоки машин, пальмы, инвестиции, дивиденды и удачный стартап, за которым стоят миллионы. Леон здесь как рыба в воде, ведь он с детства считает себя купцом, а не магом, а в новом мире столько идей для бизнеса!

Леон не знает, что он наследник двух древних магических династий, могущественных и страшных. Торговец смертью и торговец счастьем, очень юный, но с железным характером и ясным умом... пока не пришла любовь, разумеется.

Ворочая миллионами и обучаясь высокой магии, Леон ни на секунду не забывает: он должен вернуться домой, покараить настоящего преступника и восстановить свое честное имя. Ждет ли его свадьба или казнь — или то и другое?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С.,
текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-167729-9

Предисловие Марины Дяченко

Мы начали писать эту книгу много лет назад, и это был единственный наш текст, который мы по каким-то причинам забросили надолго. Все это время Леон ждал нас, и вот, летом 2021 года мы с Сергеем решили, что пришло время написать веселую, спокойную, парадоксальную сказку о волшебниках. Таковую, чтобы, читая ее, люди улыбались, и грустные мысли отступали от них.

И мы вернулись к «Леону», не имея понятия, что после смерти Сергея заканчивать книгу придется мне одной, и каждый день спрашивать себя: а нужно ли это еще кому-нибудь — *теперь?*

Но я пообещала Сергею дописать «Леона». Не мне решать, насколько текст получился веселым и беззаботным и насколько он нужен людям именно сейчас. Я исполнила долг перед мужем и соавтором, а читатели пусть судят.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*На площади, куда выходило окошко моей
камеры, строили деревянное сооружение.
Строили тихо, стараясь никому не помешать
визгом пилы или деликатными ударами
молотка, вгоняющего гвозди торопливо,
с какой-то виноватой суетой.
Конечно, строили помост и плаху.
Для меня.*

Дом

Я проснулся за минуту до петушиного крика. В комнате светало, и предметы выступали из сумерек, будто поднимались из глубокой воды: деревянный шкаф, похожий на обомлевшее чудовище. Синий фарфоровый кувшин и жестяной рукомойник. Кресло с потертыми подлокотниками, круглый стол на шести гнутых ножках. Я протер глаза, пытаясь сообразить, когда уснул. Час назад? Два часа?

Петух на флюгере разразился воплем. Когда-то он кукарекал «хрустальным голосом», но с тех пор прошло больше ста лет, и механизм давно сломался. Теперь петух ревел, как сумасшедший бык, завывал на разные голоса; под этот вой просыпались мы с братьями, а до нас — наша мать, а до нее — дед Микель. Славную торговую семью Надир основала прабабка Лейла, она же построила этот дом, она же посадила на флюгер медного петуха, уже тогда слегка неисправного.

На кровати у стены завозился младший брат Рамон. Из-под полога в дальнем углу показалось сонное лицо старшего брата Эда. Из года в год мы втроем жили в одной комнате и никогда не говорили друг

другу «доброе утро». Не потому, что ссорились. Просто крик медного петуха отбивает всякую охоту разговаривать.

Эд первым прошлепал к умывальнику, и пока я уговаривал себя спустить ноги на каменный пол, брат успел израсходовать половину воды из кувшина. Он был старше меня на два года, но ростом мы уже сравнялись, и в хорошем настроении иногда тузили друг друга — но не с утра же, не в понедельник, не перед школой.

Я отправился к умывальнику в свою очередь, и вода пролилась мне на макушку. Зажмурившись, можно было представить, что ты нырнул в лесное озеро и плывешь, не зная горя; я едва удержался, чтобы не вылить на себя все до капли. Рамон, которому положено было умываться последним, посмотрел на нас укоризненно.

Петух замолчал. Наступила тишина, будто уши отвалились, и только через минуту сделалось слышно, как внизу, в столовой, играет медовую музыку шкатулка дедушки Микеля.

Дед прожил долгую жизнь. Он заложил основу того, что теперь называется «благосостоянием Семьи Надир». В детстве благосостояние представлялось мне огромным мешком пуховых подушек. Я часто слушал разговоры за столом, почти каждый вечер задремывал в кресле под строгий голос деда Микеля: «Я заложил основы благосостояния Семьи, а вы подрываете его!» В полусне мне представлялось, как мои отец и мать растаскивают подушки из мешка, потрошат их и зарывают в мягкую землю; дед умер несколько лет назад.

...Хорошо бы не ходить в школу.

Я долго уговаривал мать разрешить мне бросить учебу. Мать была непреклонна: у нас Семья, говорила она, это накладывает обязательства. Если кто-то из

детей не получит аттестат — что скажут потомки? Хуже — что скажут предки? Что скажет Лейла, Мертвая Ведьма?!

Мертвой Ведьмой прабабушку Лейлу прозвали еще при жизни. Глядя на ее портрет, висевший в столовой, я всякий раз заново понимал: нельзя бросать школу. Пусть знания мне не пригодятся, пусть это пустая трата времени — я должен получить аттестат, если хочу жить.

Предки были похоронены рядом с домом, на лужайке. Плохими ночами, когда выла буря, или кто-то из домашних болел, или после крупной ссоры, предки поднимались из могил и начинали бродить по дому. Грохотала мебель, раскачивались лампы и гасли свечи, а однажды я встретил прабабку Лейлу в детской, в моей кровати, и очень долго потом боялся темноты. Думаю, предки не желают нам зла: они наставляют нас и поучают, указывают, предостерегают, — короче, воспитывают теми средствами, которые доступны покойникам. По-видимому, нам следует быть благодарными.

Мы с братьями оделись. Эд первым спустился по скрипучей лестнице, за ним — по старшинству — я, за мной молчаливый Рамон. Завтрак уже ждал нас на столе — каждому по тарелке каши и по ломтю хлеба с медом. Во главе стола восседала мать, сухая, прямая, с гладко уложенными седыми волосами: родители успели состариться к тому времени, когда началась моя юность. У нас не было служанки — мать говорила, что в наши времена невозможно отыскать девушку, соответствующую требованиям рода. Но на самом деле нанять прислугу не позволяло прохудившееся «благо-состояние»; через день к нам приходил деревенский парень, чтобы присмотреть за садом, да раз в неделю прибывал торговец с тележкой продуктов. Все прочее по дому мы делали сами, вернее, делал отец.

— Настало утро, и Семья за столом, — звучным голосом сказала мать. — Пусть предки благословят наш стол и очаг. Онри, сядь.

Отец послушно сел рядом с ней. Сколько себя помню — отец всегда подчинялся матери. Он не был Надир — его «взяли в Семью», как любил повторять дедушка Микель. Его тщательно изучали, испытывали, выбрали среди многих претендентов, а он не оправдал доверия; когда груз обвинений, обычно приводимых за ужином, становился совсем уж непосильным, отец робко возражал: но ведь я старался как мог! Мать тогда смотрела на него, и он умолкал под этим взглядом.

Отец был потомственный маг старого аристократического рода. Пока его предки владели обширными наделами, магия процветала, и чародеям вольно было расхаживать в шитых золотом плащах, вызывая общий страх и восхищение. Но род обеднел, и оказалось, что хваленая магия без деловой жилки ничего не стоит. Мой отец, сколько его помню, заменял в доме кормилицу, няньку, дворецкого и десяток горничных. Иногда ему удавалось зачаровать лисиц или белок, и те прибегали из леса помогать по хозяйству. Сколько посуды они перебили, сколько ковров изгадили в ходе уборки — уму не постижимо.

Справа и слева от меня стучали ложки — Эд и Рамон ели быстро. Каша, дожидаясь нас, успела немного остыть. У меня совсем не было аппетита — я только хлебнул воды, холодной, с осколками льда. Через полчаса, самое большее час на меня нападет жуткий голод, забурчит в животе, я буду маяться и жалеть о недоеденной каше — но сейчас кусок не лезет в рот.

— Леон, если ты не съешь завтрак, ты не получишь в школу обеда, — ровно сказала мать. — Это поможет тебе к ужину нагулять аппетит.

Я сунул в рот огромную ложку каши, и она слепила в единое целое язык мой, зубы, губы и, кажется, даже гланды. Никогда бы не поверил, что смогу проглотить этот липкий комок. Снаружи, во дворе, ударил колокол.

— Вот и карета, — пробормотал отец. — Леон, ты плохо выглядишь. Не выспался?

Я ответил что-то, не открывая рта.

— Идите, — разрешила мать.

Мы с братьями одновременно поднялись из-за стола — я на ходу боролся с кашей. Мешочки со школьным обедом лежали на столике у двери: нам с Эдом побольше, Рамону, как малышу, поменьше. Здесь же, у стены, стояли заранее собранные школьные саквояжи.

— Мы уходим из дома, собираясь вернуться, — сказал Эд, коснувшись рукой порога. Его слова в один голос повторили мы с младшим братом.

Карета стояла посреди двора, перед ней замерли две лошади — невообразимо старые, огромные, обе слепые. Много лет они таскали школьную карету в один и тот же час по одному и тому же маршруту; им не нужен был возница. Экипаж, вмещавший пять десятков детей и подростков, казался замком-развалиной, вставшим на колеса.

Эд не без усилия открыл дверь. Звонко ударила жезл: моего брата стукнул по лбу жестяной ковш на веревочке. Грохнул смех изнутри. Я взобрался по лесенке вслед за Эдом; тот уже тряс, ухватив за волосы, растрепанного бледного мальчишку по имени Ойга, известного злого шутника.

— Это не я! Отпусти! Это не я! — вопила жертва.

Эд молча отшвырнул мальчишку. Прошелся вдоль ряда сидений, время от времени отвешивая оплеухи; кто-то притих, кто-то вполголоса возмутился. Я дви-

нулся по проходу вслед за братом — последние недовольные голоса стихли.

— Сопляки паршивые, — сказал Эд.

Он никогда не ругался — просто называл вещи своими именами.

Карета тронулась. Мы с братом уселись сзади, где лучшие места были отданы старшим ученикам. За нами пришел Рамон, тихо сел с краю и уставился на дорогу сквозь мутное окошко: карета выкатилась на дно ущелья, и ее огромные колеса стучали теперь по валунам на дне мелкого ручья.

Мы с братьями всегда держались сообща между собой — и отдельно от прочих, поэтому нас не любили в школе. Но боялись, потому что вместе мы были сильны. Кроме того, мы втроем наследовали семье Надир, а кто такие Надир, в наших краях знал даже самый маленький и глупый ученик.

Школа

Наше с братьями будущее определилось в раннем возрасте. Нет, никто не пытался предсказать нашу судьбу — нам просто выдали поручения, распределив их таким образом, чтобы больше пользы принести Семье.

Эд, мой старший брат, должен был прилежно учиться и всю жизнь заниматься наукой. Он сделается академиком в лучшем университете и тем прославит Семью Надир. Рамону, младшенькому, предстояло стать отцом семейства — его предполагалось женить сразу после окончания школы. А я, средний брат, должен был обеспечить «благосостояние» всех этих планов — иначе говоря, зарабатывать деньги для Семьи и вести свое дело.

Мой старший брат в самом деле очень умный. Каждый день он делает два домашних задания: свое и мое, да еще иногда помогает с уроками Рамону. Они отлично ладят между собой, мои братья: иногда мне кажется, что Рамон — уменьшенная копия Эда. Оба медноволосые, длиннолицые, только Рамон щуплый и по-детски узкоплечий, а Эд — уже мужчина и сложен по-мужски.

А вот я на братьев не похож. Волосы у меня светлые, почти белые, лицо круглое, глаза наивные. Иногда, глядя на себя в зеркало, я думаю, что, наверное, я дурак. Во всяком случае, выгляжу дураком. Эд говорит, что это даже хорошо для делового человека, если с виду он кажется простодушным.

Мне шестнадцать лет, но у меня уже есть свое Дело, и я им горжусь.

Мой отец, хоть и стал частью Семьи, так и не смог смириться с нашим, как он говорит, «торгашеством». Помню несколько их стычек с матерью — отец тогда доведен был до отчаяния и говорил очень смело. «Маг — это не профессия», — цедила мать, а он бледнел, надувался, как индюк, и еле слышно кричал: «Торгаши! Купи-продай! Мой дед одним заклинанием превратил купца в лягушку!» (На самом деле его дед-волшебник даже головастика не смог бы превратить в лягушку, во всяком случае, так говорила мать.)

Помню, как отец смотрел на меня, когда я заявил на семейном совете, что открываю собственное дело. Мать обняла меня и расцеловала — впервые с тех пор, как мне было пять лет. Но вот отец...

Карета остановилась перед зданием школы. Мы дождались, пока выгрузятся младшие, и, когда карета опустела, вышли вместе со старшими учениками — неторопливо, с достоинством.

Здание школы было сложено из каменных глыб и снаружи походило на огромную статую черепахи. Изнутри открывался зал, гулкий и просторный, под высокими сводами. В нем особым образом распространялись звуки: голос учителя слышался всем, даже если учитель переходил на шепот. Так же разносились другие звуки с кафедр: шелест страниц, скрип кожаных переплетов и кашель или бурчание в животе, если учителю нездоровилось. Мы с Эдом сидели в крайнем левом ряду, со старшими учениками, а Рамон в центре, со средними.

Ударил гонг. Мы сложили на учительский стол тетради с домашним заданием; у нас с Эдом почти одинаковый почерк. Учитель знает, наверное, что я не сама делаю уроки, но закрывает на это глаза, и я получаю раз за разом оценки «крест» и «звезда». А больше мне и не надо.

Эд иногда получает «сердце». Но редко. Учитель к нему придирается. А Рамон разгильдяй — иногда мне кажется, что он получает оценки случайно, выбрасывает их наудачу, будто кости.

Гонг ударил дважды. Мы уселись на места, раскрыли саквояжи; по расписанию первым уроком у старших была стереометрия. Пробил третий гонг; под сводами наступила тишина — полнейшая, даже малыши, занимавшие правый ряд, затихли.

Учитель вышел из боковой двери, приземистый, квадратный. Налегая всем телом на трость, проковылял к своему месту. С трудом выпрямился. Мы услышали сперва тяжелое дыхание, потом резкий, с металлическим тоном голос:

— Доброе утро, мальчики, отроки, юноши. Внимание, мальчики: за время, пока бежит песок в моих часах, вы должны составить десять уравнений с

числами пять, восемь и шестьдесят три, переменная «феникс», и решить их. Внимание, отроки: за время, пока бежит песок в моих часах, вы должны написать сочинение на тему «Праздность — мать бедности», объемом не менее ста слов. Внимание, юноши: мы продолжаем тему «Порталы», сегодняшнее задание будет посвящено призывающим, или, как их иначе называют, порталам-ловушкам. Ведите конспект — я проверю...

Голос учителя взмывал к потолку и дробился эхом. Его тонкая морщинистая рука перевернула песочные часы. Краем глаза я видел, как Рамон склонился над грифельной доской: за сочинения он всегда получал если не «сердце», то по крайней мере «звезду». Младшим и средним не будет мешать голос учителя, толкующего про порталы: они привыкли. Это считается полезным навыком — умение сосредоточиться, не отвлекаться на постороннее, следовать точно к поставленной цели, работать на результат...

Грифель, лежащий на краю моей доски, раздвоился. Я едва удержался, чтобы не клонуть носом. Эд предостерегающе толкнул меня в бок; он-то знал, как мне всегда хочется спать на первом уроке. Я полночи провел в мастерской и вернулся домой почти перед самым рассветом...

— Портал из категории усложненных, земля-земля, предмет-человек. В качестве приманки используется вещь, принадлежащая человеку, либо отторгнутая часть его тела, включая остриженные волосы, ногти, вырванные зубы. Начертание знака похоже на уже известное вам начертание портала-пути: первое кольцо повторяет узор полностью...

Краем глаза я увидел, как Ойга, вихрастый бледный парень, которого Эд оттащил в карете за волосы, при-

поднялся на своем месте. Мой брат Рамон, сидящий прямо перед ним, вздрогнул и резко обернулся. Вихрастый сделал невинное лицо.

Рамон снова склонился над сочинением. Ойга забормотал без звука, потом сложил губы трубочкой и снова приподнялся на скамейке. На этот раз я успел заметить металлический блеск между его зубами — будто серебряная иголка отразила яркий свет.

Рамон подпрыгнул на месте и еле удержал крик боли.

— Рамон Надир!

Мой брат вскочил.

— Два оборота часов после занятий!

Рамон промолчал. Ойга за его спиной не улыбнулся, хотя видно было, что сдержанность дается ему с трудом.

— ...Второе кольцо обратно-симметрично соответствующему кольцу в начертании портала пути, — учитель продолжал, как всегда, ровно с того же места, на котором его прервали. — Если портал пути предназначен для входа, то портал-ловушка работает на выход. Фокусное расстояние составляет одну четвертую полного диаметра. Центростремительная сила...

Я смотрел на отражение Ойги в моей чистой, аспидно-черной грифельной доске. Вихрастый мельком взглянул на меня, будто проверяя: заметил я проделку с Рамоном? Не заметил?

— Леон Надир!

Ноги вынесли меня из-за стола прежде, чем я успел понять, к кому обращается учитель.

— Будьте любезны подняться ко мне вместе с вашим конспектом и рассказать, в порядке повторения пройденного, каким образом соотносятся полный

диаметр знака портала и его центростремительная сила.

Экономно, без единого лишнего движения, Эд положил поверх моей пустой доски свою, уже исписанную формулами.

Десяток шагов — и я стою на кафедре рядом с учителем. Ко мне обращены два ряда макушек — младшие и средние выполняют свое задание — и ряд внимательных лиц.

Как ловко они изображают внимание!

— Итак?

— Соотношение знака... и его центральностремительная сила соотносятся...

— Центростремительная!

— Да, господин учитель. Они соотносятся...

Я смотрю в конспект Эда. Там такого нет.

— Они соотносятся так: чем больше диаметр portalного знака, тем сильнее эта сила.

— Формула?

Я молчу.

— «Дыра», — сухо говорит учитель. — Ваш общий балл понизился на два пункта.

* * *

После занятий, пока Рамон отсиживал назначенные ему два оборота песочных часов, мы с Эдом настигли вихрастого Ойгу. Тот попытался сбежать, но не успел: он был ровесник нашего брата. Щуплый сопляк.

Я догнал его и подставил подножку. Ойга шлепнулся на четвереньки, я взял его сзади за воротник:

— Ах ты, маленькая дрянь...

— Это подло — в спину проклинать, — проговорил Эд сквозь зубы.

Нас окружили школьники — в основном ровесники Рамона и Ойги. Малышей оттеснили. Старшие стояли в стороне, не вмешиваясь.

— Он проклинал нашего брата! — прорычал Эд, обращаясь сразу ко всем. — В спину, во время урока, пускал заклинание «игла»!

— А если я тебя сейчас проклянущу, что будет? — рывкнул я, тряся негодника за воротник.

— Не надо проклинать, — процедил Эд. — А ну, подними его.

Я рывком поставил Ойгу на ноги. Эд, несильно размахнувшись, врезал ему открытой ладонью по щеке; Ойгина голова мотнулась.

— Только тронь еще нашего брата, — прорычал Эд. — Леон, чего ты ждешь?

И тогда я тоже ударил этого гаденыша. Но не ладонью, как Эд, а кулаком в нос.

Мое дело

Я почти никогда не возвращался из школы прямо домой — меня ждала работа в городе. Вот и сейчас, оставив Эда дожидаться младшего брата, я отправился — пешком — к городским воротам.

Я шел и думал, что, наверное, вихрастый решил отыгаться на Рамоне за обиду. Что, скорее всего, жестяная лейка, упавшая на голову Эду, никакого отношения не имеет к Ойге. Этот вихрастый — нагл, шустер, изобретателен в своей вредности, но на этот раз, думал я, он был ни при чем, и Эд зря отгаскал его за волосы утром, в школьной карете.

Но все равно, думал я, Ойга получил по заслугам. Эд, конечно, старше его и сильнее, а бить младшего нехорошо. Но ведь учитель тоже старше и сильнее Рамона и может оставить его сидеть в школе хоть до вечера. Рамон наказан за чужую вину, а Ойга — за свою. Надеюсь, разбитый нос надолго отучит его посылать иглы-проклятия человеку в спину.

В животе у меня бурчало. Школьный обед я съел еще утром, как только выдалась минута. Теперь мешок из-под него, сохранивший запах сыра, лука и копченого мяса, был свернут и упрятан в школьный саквояж. Я шагал по направлению к городу, напевая песню из музыкальной шкатулки дедушки Микеля.

Как хорошо было бы, если бы Эд и на уроках сидел за двоих! Тогда у меня было бы время и поработать, и выспаться, и подумать. Но вот убито целое утро, потрачено впустую — на что? На теоретическую магию, которая никогда мне не пригодится! На драку с младшим мальчишкой!

Я ускорил шаг. Наш учитель в жизни не открыл ни одного портала, хоть лучше всех знает, как они устроены. Это называется «теория»; в огромных университетах ученые годами наносят на мрамор единственный знак, с помощью сложных приборов просчитывают углы и радиусы кривых, учитывают расширение и сжатие камня в зависимости от температуры. И если случается чудо и такой портал однажды срабатывает — новость об этом тут же облетает весь ученый мир, и такое деяние считается подвигом университета...

Я перешел через горбатый мостик. На высшей его точке мне открылись городские башни — две красные над воротами и зеленый шпиль ратуши.

* * *

Дедушка Микель когда-то владел целым торговым пассажем. Дела у него шли так хорошо, что в городе родилась присказка: «целуется с удачей, как Микель». На самом деле удача была ни при чем: секрет заключался в огромном опыте Микеля, его изобретательности и трудолюбии. Он завел свое первое дело, когда был подростком, как я, и начинал, как и я, на ровном месте.

Дедушкин торговый квартал мне не достался. Микель распродал его по частям — не хотел, чтобы налаженное дело перешло моему отцу. «Пусть твой Он-ри сам докажет, на что способен!» — кричал дед моей матери, а я дремал на кресле под эти крики, и мне снилось, что я веду в бой огромную армию и, занеся меч над головой, ору в лицо вражескому полководцу: «Пусть он сам докажет!»

Мой отец никому ничего не доказал. Он был магом, а не торговцем. Он мог заговорить котел на кухне, чтобы тот не протекал, или поставить десяток лисиц мыть хвостами ванну — но искусство зарабатывать деньги было для него чем-то вроде высшей математики, недосяжимой, да еще и постыдной.

Дед Микель в лицо звал моего отца неудачником. Отец был решетом, сквозь которое вытекали из семьи амбиции, деньги, планы; он боялся убытков, и они следовали за ним по пятам. Наши семейные призраки издевались над ним, преследовали и травили. Я знаю: он спал всегда с зажженным светом. Он и теперь спит, поставив у изголовья свечу.

Год назад я купил магазин на все сбережения Семьи: замечательное просторное помещение на главной улице города, в двух шагах от площади. Это очень до-